https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT

СТРАТЕГИРОВАНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2026. Том 6. № 4

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ

Оригинальная статья
УДК 332.1+330.34(571.6)

Оценка соответствия целевых установок стратегических документов развития макроэкономической динамике Дальневосточного федерального округа

Л. И. Власюк
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
lvlasyuk@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8058-586X

Аннотация: Вопросам развития Дальнего Востока уделяется повышенное внимание со стороны органов государственной власти на протяжении последних 15–20 лет. Для оценки эффективности реализуемой государственной политики необходимо: сопоставление целей стратегических документов развития макрорегиона с достигнутыми результатами; оценка структурных изменений экономики макрорегиона, прежде всего в части перехода от сырьевой модели к более диверсифицированной экономике; сопоставление имеющихся конкурентных преимуществ и ресурсов с декларируемыми целями и стратегическими приоритетами, особенно в проекте Стратегии социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Цель исследования заключалась в оценке соответствия декларируемых целей стратегического развития Дальневосточного федерального округа, достигнутых социально-экономических результатов развития имеющимся стратегичесим ресурсам и конкурентным преимуществам макрорегиона, согласно методологии стратегирования. Объект – социально-экономическая система Дальневосточного федерального округа как стратегически значимого макрорегиона Российской Федерации. Теоретическим базисом исследования является методология научной школы стратегирования, развиваемая под руководством академика В. Л. Квинта. Среди реализованных целей развития ДФО – опережающий рост ВРП и инвестиций в основной капитал, при этом экономика региона стала более сырьевой (рост добычи и строительства, сокращение обрабатывающей отрасли); диверсификация (включая туризм) не состоялась; масштабные инвестиции не трансформировались в повышение уровня жизни. Не подтверждается достижение стратегической цели по сближению социальных параметров качества жизни населения макрорегиона со среднероссийскими значениями, несмотря на устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни в ДФО. Показано, что несмотря на успехи ДФО в привлечении инвестиций, развитии промышленного производства и реализации крупных инфраструктурных проектов, ключевые стратегические задачи в области демографии, улучшения уровня жизни и сокращения межрегиональной дифференциации остаются нерешенными.
Ключевые слова: стратегия, регион, стратегирование, макроэкономические показатели, ВРП, макрорегион, Дальний Восток России

Цитирование: Власюк Л. И. Оценка соответствия целевых установок стратегических документов развития макроэкономической динамике Дальневосточного федерального округа // Стратегирование: теория и практика. 2026. Т. 6. № 4. С. 431–445. https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445; https://elibrary.ru/UINWJT

Поступила в редакцию 26.06.2026. Прошла рецензирование 04.08.2026. Принята к печати 01.09.2026.

© 2026. Автор(ы). Статья распространяется на условиях лицензии CC BY 4.0

STRATEGIZING:
THEORY AND PRACTICE
2026. Vol 6. No 4

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT

original article

Target Settings of Strategic Development Documents vs. Macroeconomic Prospects of the Russian Far East

Lyudmila I. Vlasyuk
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
lvlasyuk@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8058-586X

Abstract: The last two decades have witnessed increasing attention from the Russian government to the development of the country's Far East. However, assessing the efficiency of this state policy remains a complicated issue. It requires a comparative analysis of the goals stipulated in strategic documents with the actual development of the microregion as it moves from a raw material model to a more diversified economy. The existing Strategy for Socio-Economic Development forecasts goals and strategic priorities for the Far East through 2026. These goals need to be calibrated against the actual competitive advantages and resources. This article describes the socio-economic system of the Far Eastern Federal District as a strategically important microregion, comparing the declared goals of its strategic development with the available strategic resources and competitive advantages. The analysis relies on the methodology of strategizing developed by Professor Vladimir L. Kvint. To date, the Far East has successfully met its strategic targets for outpacing Gross Regional Product (GRP) growth and boosting fixed-capital investment. However, the local economy now heavily relies on mining and construction rather than on the manufacturing sector. Industrial diversification and tourism development have failed. Large-scale investments did not improve the existing living standards, which fail to reach average Russian values despite a steady increase in life expectancy. While Russia's Far East succeeds in attracting investments, developing industrial production, and implementing major infrastructure projects, the key strategic objectives in the fields of demography, living standards, and interregional differentiation remain unresolved.

Keywords: strategy, region, strategizing, macroeconomic indicators, Gross Regional Product (GRP), macroregion, Russian Far East

Citation: Vlasyuk LI. Target Settings of Strategic Development Documents vs. Macroeconomic Prospects of the Russian Far East. Strategizing: Theory and Practice. 2026;6(4):431–445. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445; https://elibrary.ru/UINWJT

Received 26 June 2026. Reviewed 04 August 2026. Accepted 01 September 2026.

远东联邦区战略发展文件目标设定与宏观经济动态的符合性评估

柳德米拉·伊万诺夫娜·弗拉修克
莫斯科罗蒙诺索夫国立大学，俄罗斯莫斯科
lvlasyuk@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8058-586X

摘要：过去15至20年间，政府部门高度重视俄罗斯远东地区的发展。为评估现行国家政策的成效，有必要开展以下工作：将该宏观区域战略发展文件中设定的目标与实际成果进行比对；评估宏观区域经济结构的变化，特别是从原材料依赖型模式向更加多元化经济转型的情况；并将现有的竞争优势与资源同既定目标及战略优先事项，尤其是《2030年前远东联邦区社会经济发展战略及2036年远景目标》进行对比。因此，本研究的目的是运用战略化方法论，评估远东联邦区的既定战略发展目

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT

СТРАТЕГИРОВАНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2026. Том 6. № 4

标及已实现的社会经济发展成果，与宏观区域现有战略资源及竞争优势之间的符合性。研究对象是俄罗斯联邦具有战略意义的宏观区域——远东联邦区的社会经济系统。本研究的理论基础是 V. L. 昆特院士领导下开发的战略化学派的方法论。远东联邦区已实现的发展目标包括地区生产总值（GRP）和固定资产投资的加速增长；然而，区域经济对原材料的依赖程度却日益加深（表现为采矿和建筑业增长，而制造业萎缩）。经济多元化（包括旅游业）未能实现，大规模投资并未转化为生活水平的提高。尽管俄罗斯远东地区的人均预期寿命稳步增长，但使该宏观区域居民生活质量的社会指标接近全俄平均水平的战略目标并未得到证实。研究表明，尽管该地区在吸引投资、扩大工业生产和实施重大基础设施项目方面取得了成效，但在人口、提高生活水平以及缩小区域间差距等方面的关键战略目标仍未实现。

关键词：战略，区域，战略化，宏观经济指标，地区生产总值（GRP），宏观区域，俄罗斯远东地区

2026年6月26日收到稿件； 2026年8月4日完成审稿； 2026年9月1日接受发表。

ВВЕДЕНИЕ

Дальний Восток России[1] занимает особое место в пространственном развитии, являясь крупнейшим по площади макрорегионом, со значительным геостратегическим, ресурсным, транспортно-логистическим, туристско-рекреационным и внешнеэкономическим потенциалом. Располагаясь на стыке России и динамично развивающихся государств Азиатско-Тихоокеанского региона, макрорегион – важнейший элемент обеспечения национальной безопасности, территориальной целостности и устойчивого социально-экономического развития страны.

В последние десятилетия вопросам развития Дальнего Востока уделяется повышенное внимание со стороны органов государственной власти. Это обусловлено не только уникальными возможностями региона в сфере освоения природных ресурсов, расширения международного экономического сотрудничества и формирования новых транспортных коридоров, но и наличием комплекса накопившихся структурных проблем, препятствующих реализации его потенциала. В связи с этим развитие макрорегиона рассматривается как один из приоритетов государственной региональной политики и важное направление пространственной трансформации российской экономики; его развитие активно обсуждается в научной литературе[2,3,4].

Несмотря на значительные объемы государственной поддержки и реализацию специальных механизмов стимулирования инвестиционной активности (территории опережающего развития, особую экономическую зону «Свободный порт Владивосток», программу «Дальневосточный гектар» и др.), макрорегион продолжает сталкиваться с рядом системных вызовов. Среди них особое значение имеют устойчивый демографический спад и миграционный отток населения, низкая плотность расселения, дефицит квалифицированных кадров, высокая стоимость жизни и ведения хозяйственной деятельности, недостаточный уровень развития транспортной, энергетической и социальной инфраструктуры, а также существенная удаленность от основных экономических и культурных центров страны. Стратегические угрозы и возможности развития макрорегиона описаны в научной литературе[5,6].

[1] Дальний Восток России и Дальневосточный Федеральный округ (ДФО) в границах, определенных с 2018 г., рассматриваются как синонимы.

[2] Стратегирование отрасли туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России: монография / И. З. Чхотуа [и др.]; под науч. ред. С. М. Дарькина, В. Л. Квинта. М: Первое экономическое издательство, 2024. 406 с. https://elibrary.ru/SBQBEN

[3] Михеева Н. Н. Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4. С. 58–69. https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-58-69

[4] Минакир П. А. Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 3. С. 7–16. https://doi.org/10.14530/se.2022.3.007-016

[5] Минакир П. А., Прокапало О. М. Экономика Дальнего Востока России: состояние и перспективы. Регионалистика. 2017. Т. 4. № 3. С. 48–56. https://doi.org/10.14530/reg.2017.3

[6] Darkin S., Kvint V. The Russian Far East: Strategic priorities for sustainable development. Boca Raton: CRC Press, 2016. 166 p. https://elibrary.ru/VHCWKR

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT

Дополнительную актуальность вопросам стратегического развития Дальнего Востока придают современные геоэкономические и геополитические процессы. Усиление экономического взаимодействия России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, трансформация международных логистических цепочек, развитие Северного морского пути и необходимость укрепления экономического присутствия России на восточном направлении формируют новые стратегические задачи для макрорегиона. Их решение требует стратегического подхода, направленного на повышение качества жизни населения, обеспечение устойчивого экономического роста, диверсификацию структуры экономики, развитие человеческого капитала и укрепление конкурентоспособности региона в национальном и международном масштабе.

Исследование в части концептуальных теоретико-методических подходов опирается на методологию стратегирования, сформированную и развиваемую зарубежными и российскими исследователями[7,8,9].

Цель исследования заключалась в оценке соответствия декларируемых целей стратегического развития Дальневосточного федерального округа и достигнутых социально-экономических результатов развития имеющимся стратегическим ресурсам и конкурентным преимуществам макрорегиона, согласно методологии стратегирования.

Оценка современного состояния, ключевых возможностей и угроз развития Дальнего Востока представляет значительный научный и практический интерес. Анализ стратегических задач и макроэкономических показателей макрорегиона позволяет оценить эффективность реализуемой государственной политики и определить направления дальнейшего совершенствования механизмов социально-экономического развития макрорегиона.

Кроме того, планируется утверждение новой стратегии развития Дальнего Востока до 2030 г. и с прогнозом до 2036 г. Проект документа активно обсуждался в экспертном сообществе[10], был направлен на парламентские слушания в Государственной Думе в апреле 2026 г. и должен быть представлен на рассмотрение Правительства и утвержден в 2026 г.

Важно, что одно из современных научных направлений регионального анализа предлагает не только связывать региональное развитие с достижениями предыдущего периода и структурными особенностями региона, но и использовать субъективное формирование будущих траекторий развития различными методами[11]. Для такой деятельности важна роль регионального лидера и знание базовых принципов и правил разработки региональных стратегий, поскольку именно механизмы регионального и местного стратегического управления влияют на реализацию региональных приоритетов развития и, прежде всего, на инновационную политику[12].

Таким образом, необходимо, во-первых, сопоставление целей стратегических документов развития макрорегиона с достигнутыми результатами; во-вторых, оценка структурных изменений экономики макрорегиона (прежде всего в части перехода от сырьевой модели к более диверсифицированной экономике), а также сопоставление имеющихся конкурентных преимуществ и ресурсов с декларируемыми целями и стратегическими приоритетами в новой версии стратегии.

ОБЪЕКТ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Объектом исследования выступила социально-экономическая система Дальневосточного федерального округа как стратегически значимого макрорегиона Российской Федерации.

[7] Phelps E. The golden rule of accumulation: A fable for growth men // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. № 4. P. 638–643.
[8] Porter M. E. The competitive advantage of nations // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68. № 2. P. 73–93. https://elibrary.ru/BGZKXT
[9] Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. NY: Routledge, 2016. 548 p. https://doi.org/10.4324/9781315709314
[10] Стратегия развития Дальнего Востока до 2036 // Восточный центр государственного планирования. URL: https://dfostrategy.vostokgosplan.ru/ (дата обращения: 15.06.2026).
[11] Farooq M., Jolly S. Beyond path dependence: A methodological review for studying regional futures. Regional Studies, Regional Science. 2026. Vol. 13. № 1. P. 2686021. https://doi.org/10.1080/21681376.2026.2686021
[12] Wolfe D. A. Transformative innovation policy and collaborative governance in regions and cities // Regional Studies. 2026. Vol. 60. № 1. P. 2688966. https://doi.org/10.1080/00343404.2026.2688966

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT
СТРАТЕГИРОВАНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2026. Том 6. № 4

Теоретическим базисом исследования является эффективная, признанная в России и за рубежом методология научной школы стратегирования, развиваемая под руководством академика В. Л. Квинта[13,14,15]. Теория стратегии и методология стратегирования, прежде всего, учит правильно оценивать и использовать возникающие обстоятельства и имеющиеся ресурсы[16]. Иерархия стратегий, ценностей и интересов участников процесса стратегирования, а также фокус на открывающиеся возможности позволяют обосновать приоритеты регионального развития с учетом места региона в общей системе пространственного развития страны.

Наличие обоснованных и подкрепленных конкурентными преимуществами и ресурсами стратегических приоритетов долгосрочного развития особенно актуально для Дальнего Востока России. Несмотря на значительный объем государственных мер поддержки и создание специальных институтов развития, стратегические документы макрорегиона обеспечили существенные результаты преимущественно в инвестиционной и инфраструктурной сферах, тогда как ключевые долгосрочные вызовы макрорегиона (демографический спад, миграционный отток, пространственная неравномерность развития и др.) сохраняют свою актуальность.

Согласно методологии стратегирования, разработка стратегии региона начинается с анализа трендов различного уровня, изучения внешней и внутренней среды объекта стратегирования, OTSW-анализа. Данное исследовании будет в большей степени посвящено региональным трендам, изучению внешней и внутренней среды объекта стратегирования, в том числе нормативно-правовому базису регионального стратегирования. Будут проанализированы стратегические документы по развитию ДФО, сопоставлены обозначенные в них стратегические задачи и целевые ориентиры с фактическими значениями макрорегиональной динамики. В частности, Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.[17], являющаяся одним из основных стратегических документов макрорегиона, содержит целевые показатели по демографии, доходам населения, инвестициям, инфраструктуре, здравоохранению, образованию и развитию городов. В исследовании будет рассмотрена Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.[18] и проект новой Стратегии развития Дальнего Востока.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Генеральной целью Стратегии развития макрорегиона до 2025 г. было закрепление населения в регионе за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания, а также достижение среднероссийского уровня социально-экономического развития, которое предполагало, что темпы роста ВРП и инвестиций будут превышать среднероссийские показатели.

В Национальной программе социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г. превышение среднероссийских темпов роста показателей экономического развития декларируется в качестве целевого ориентира.

[13] Экономическая и финансовая стратегия / В. Л. Квинт [и др.]; под науч. ред. В. Л. Квинта. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2024. 247 с. https://elibrary.ru/BTVTOK

[14] Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7

[15] Хворостяная А. С., Квинт В. Л. Разработка и реализация региональной стратегии: основные этапы и приоритеты // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. Т. 28. № 3. С. 25–34. https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2025.89.002

[16] Квинт В. Л. Стратегическое лидерство Амира Тимура: комментарии к Уложению. СПб.: РАНХиГС, 2021. 204 с. https://doi.org/10.22394/978-5-89781-696-5-1-204

[17] Распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р «Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/565853199 (дата обращения: 15.05.2026).

[18] Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2009 г. № 2094-р «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: http://government.ru/docs/33593/ (дата обращения: 15.05.2026).

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT

На рисунке 1[19] представлены темпы роста ВРП и ВВП к 2016 г.

Темпы роста ВРП ДФО незначительно опережали темпы роста ВВП РФ. При этом если рассматривать ВВП РФ, полученный как сумму валовой добавленной стоимости субъектов Российской Федерации, то опережающего роста в регионе не наблюдается. Прирост ВВП РФ как суммы регионов за период 2016–2024 гг. составил 124,3 %, а прирост ВРП ДФО – 123,5 %. Структура экономики макрорегиона и страны в целом представлена в таблице 1[20].

В структуре ВВП РФ за период 2016–2024 гг. уменьшилась доля производства товаров и увеличи-

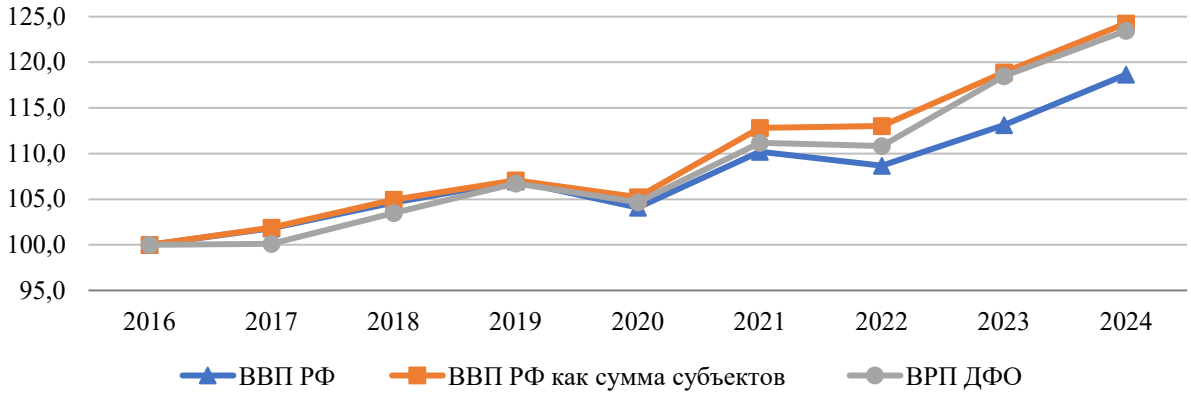

Рис. 1. Динамика валового внутреннего продукта Российской Федерации и валового регионального продукта Дальневосточного федерального округа (2016 г. = 100 %)

Fig. 1. Russia's GDP vs. Far Eastern Federal District's GRP (Base Year 2016 = 100 %)

Таблица 1. Отраслевая структура валовой добавленной стоимости Российской Федерации и Дальневосточного федерального округа, %

Table 1. Sectoral structure of gross added value in Russia vs. the Russian Far Eastern, %

Показатель	2016		2021		2024	
	РФ	ДФО	РФ	ДФО	РФ	ДФО
Производство товаров	*40,7*	*46,2*	*42,4*	*50,8*	*40,6*	*51,9*
Промышленность	29,9	33,7	33,2	38,2	31,5	37,7
Добыча полезных ископаемых	10,1	24,1	13,8	30,4	13,7	30,1
Обрабатывающие производства	15,9	5,3	16,4	4,7	15,2	4,7
Строительство	6,2	6,5	4,9	6,9	5,6	9,7
Производство услуг	*59,3*	*53,8*	*57,6*	*49,2*	*59,4*	*48,1*
Торговля оптовая и розничная	15,7	10,2	14,0	8,4	13,0	7,9
Транспортировка и хранение	7,5	11,5	6,5	9,8	7,1	10,6
«Туризм»[21]	4,2	3,7	3,9	3,5	4,4	3,4
Валовая добавленная стоимость в основных ценах, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

[19] Национальные счета // Росстат. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts (дата обращения: 15.06.2026).

[20] Там же.

[21] В собирательную группировку «Туризм» включены следующие коды классификатора ОКВЭД: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания; деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги; деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT
СТРАТЕГИРОВАНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2026. Том 6. № 4

лась доля производства услуг, в структуре ВРП ДФО, напротив, увеличилась доля производства товаров с 46,2 % в 2016 г. до 51,9 % в 2024 г.

Увеличение доли товаров произошло за счет увеличения доли промышленности и строительства. В структуре ВРП ДФО традиционно более 30 % занимает промышленность; по данным 2024 г., ее доля составляла 37,7 %. Увеличение доли промышленности произошло, прежде всего, за счет наращивания доли добывающей промышленности с 24,1 % в 2016 г. до 30,1 % в 2024 г. При этом доля обрабатывающей промышленности уменьшилась в структуре ВРП макрорегиона. К 2024 г. не наблюдался переход к более диверсифицированной экономике; напротив, происходило усиление сырьевой ориентации экономики региона.

В регионе реализуется ряд крупных промышленных проектов (добыча и переработка меди, редкоземельных металлов и др.), создающих предпосылки для формирования новых цепочек добавленной стоимости и возможности для получения конечных высокотехнологичных продуктов[22]. Вместе с тем преждевременно утверждать наличие полноценной структурной перестройки экономики макрорегиона.

Доля туризма, который определен как одна из приоритетных сфер для диверсификации экономики региона[23], упала с 3,7 % в 2016 г. до 3,4 % в 2024 г.

Инвестиции в основной капитал в экономику ДФО за период 2000–2024 гг. выросли в 7,3 раза, тогда как в среднем по России – в 4 раза. Если сравнить прирост с 2016 г., то по ДФО он составил 2 раза, а по России – 1,5 раза (для оценки использовался показатель – индекс физического объема инвестиций в текущих ценах). С учетом темпа прироста инвестиций, а также структуры инвестиций в основной капитал в регионе (где преобладают инвестиции в крупные инфраструктурные и сырьевые проекты), их доля выше в ВРП макрорегиона (табл. 2[24]).

Один из подходов к развитию инфраструктуры в региональном развитии констатирует, что для Дальнего Востока, как для территориально-хозяйственного образования с преобладающей сырьевой специализацией, преимущественно первичной переработкой и отсталым социальноинфраструктурным развитием, важно опережающее развитие элементов магистральной критической инфраструктуры[25]. Но развитие внешнеориентированной инфраструктуры – необходимое условие развития макрорегиона[26],

Таблица 2. Доля инвестиций в основной капитал в валовый внутренний продукт Российской Федерации и в валовый региональный продукт Дальнего Востока России, %

Table 2. The share of investment in fixed assets in Russian GDP vs. the GRP of the Russian Far East, %

Показатель	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	2023	2024
Доля инвестиций в основной капитал в ВВП РФ	15,9	16,7	19,8	16,7	18,9	17,2	18,1	19,5	19,5
Доля инвестиций в ВВП РФ (как сумма ВРП субъектов РФ)	20,3	20,0	24,3	21,1	20,7	18,3	19,7	20,9	21,2
Доля инвестиций в основной капитал в ВРП ДФО	17,7	31,2	35,9	25,2	27,1	26,2	28,9	33,7	33,4

[22] Ломакина Н. В. Особенности промышленной структуры в ресурсном регионе: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2025. Т. 21. № 3. С. 142–164. https://doi.org/10.14530/se.2025.3.142-164

[23] Власюк Л. И., Чхотуа И. З. Стратегический потенциал дестинации: оценки для Дальнего Востока России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 4. С. 660–677. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.4.660-677

[24] Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» // Росстат. Статистические издания. Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652 (дата обращения: 15.06.2026).

[25] Краснопольский Б. Х. Северо-арктические территории Дальнего Востока: влияние инфраструктурных факторов на процессы трансформации пространственного развития региона // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 2. С. 556–573. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-14

[26] Власюк Л. И. Прогнозирование экономики макрорегиона: Дальний Восток. Хабаровск: Институт экономических исследований ДВО РАН, 2012. 208 с. https://elibrary.ru/UBESPV

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT

которое не конвертируется в моменте в повышение уровня жизни населения.

Следующие важные ориентиры стратегических документов касаются демографических показателей и уровня бедности: прекращение миграционного оттока населения, уменьшение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (в стратегии, действующей до 2025 г. указаны конкретные цифры: с 24,5 до 9,6 %), увеличение ожидаемой продолжительности жизни, уменьшение смертности в трудоспособном возрасте.

Снижение численности населения региона – важнейший негативный тренд в развитии макрорегиона. За период 2000–2024 гг. по официальным статистическим данным численность населения России уменьшилась на 0,2 % населения, а численность населения макрорегиона – на 12,8 %. С 2019 по 2024 гг. численность макрорегиона уменьшилась на 213,1 тыс. человек (2,6 %), а численность России в целом – на 1900,7 тыс. человек (1,3 %)[27]. При общероссийском негативном тренде снижения населения ситуация в ДФО выглядит еще более сложной, поскольку стратегической угрозой является противоречие между занимаемой регионом территорией и численностью населения[28].

Доходы жителей макрорегиона – один из базовых факторов качества жизни, а также объект государственной социально-экономической политики. Стратегические документы по развитию Дальнего Востока содержат цели по повышению уровня жизни, росту доходов и созданию привлекательных условий для жизни. Для оценки уровня жизни на территории сравним ВРП на душу населения, среднедушевые доходы и покупательную способность доходов. Покупательная способность доходов – скорректированные на стоимость фиксированного набора среднедушевые денежные доходы. Такая корректировка позволяет частично нивелировать ценовые факторы в региональном разрезе и более адекватно оценить уровень доходов жителей региона.

По показателю эффективности экономики, которая измеряется через ВРП на душу населения, экономика ДФО превосходит экономику России в целом. ВРП на душу населения в среднем по федеральному округу по отношению к среднероссийскому уровню составляет 117,3 % (по данным 2024 г.). За период 2010–2024 гг. этот показатель превышал среднероссийский уровень в пределах 106–117 %. Среднедушевые денежные доходы населения макрорегиона на всем рассматриваемом временном периоде также превышают среднероссийский уровень (рис. 2[29]).

Покупательная способность в среднем по макрорегиону ниже среднероссийского уровня и составляла 97,1 % в 2020 г., 94,9 % в 2024 г. (рис. 2). Низкие доходы еще больше усугубляют миграционные процессы и отток квалифицированных кадров, характерные для экономики макрорегиона. Нехватка квалифицированных кадров является стратегической угрозой для многих отраслей экономики Дальнего Востока России.

Таким образом, номинальное преимущество региона по ВРП на душу населения и среднедушевым денежным доходам не трансформируется в высокие показатели качества жизни населения в регионе. Существует разрыв между стоимостью создаваемых экономических благ и ее влиянием на социальное развитие территории, что является одной из ключевых проблем реализации стратегических целей развития Дальнего Востока России.

Внутри макрорегиона существует неоднородность как по структуре экономик субъектов, входящих в его состав, так и по результирующим макроэкономическим показателям и доходам населения. По данным 2023 г., в Республике Бурятия ВРП на душу населения составлял 48,2 % от среднероссийского уровня, в Забайкальском крае – 67,7 %, в Еврейской автономной области – 64,9 %, в Хабаровском крае (являющемся традиционно регионом с самой диверсифицированной структурой

[27] Приложение к сборнику «Регионы…

[28] Власюк Л. И., Суспицын С. А., Шеломенцев А. Г. Факторы и механизмы акселерации социально-экономического развития регионов России // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 34–57. https://elibrary.ru/PDAZLF

[29] Приложение к сборнику «Регионы…

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT
СТРАТЕГИРОВАНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2026. Том 6. № 4

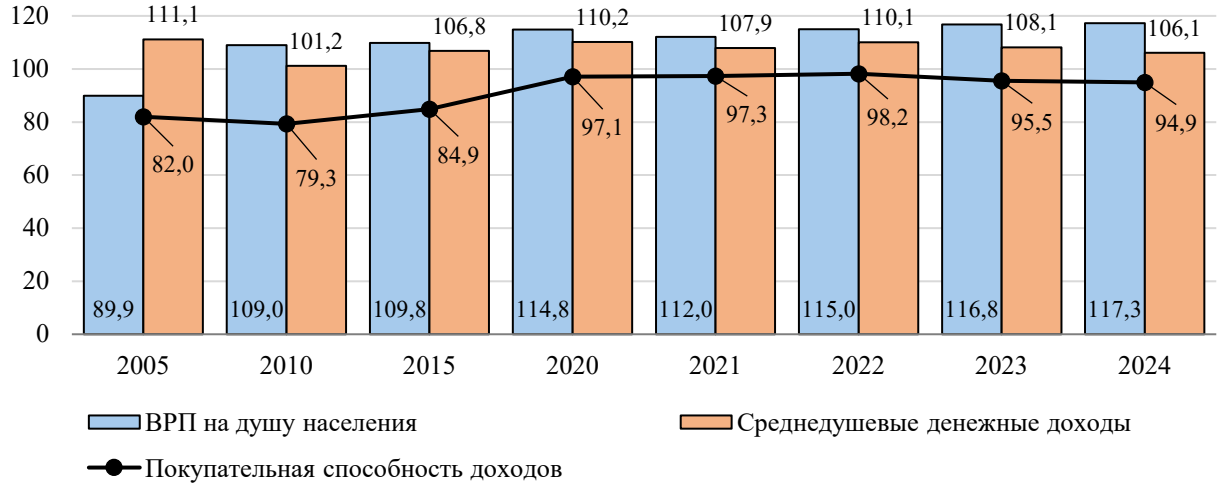

Рис. 2. Отношение показателей доходов по Дальневосточному федеральному округу к среднероссийским показателям, %

Fig. 2. Income indicators in the Far Eastern Federal District vs. Russian average, %

экономики в макрорегионе) – 91,8 %. В таблице 3[30] представлено отношение ВРП на душу населения и покупательной способности доходов субъектов ДФО к среднероссийскому уровню.

Показатели для Республики Саха (Якутия), Камчатского края, Магаданской и Сахалинской областей, а также Чукотского автономного округа выше среднероссийского уровня за счет преобладания добывающей промышленности в структуре ВРП данных регионов.

Что касается покупательной способности доходов по субъектам РФ внутри макрорегиона, то в большинстве регионов ее уровень ниже или равен среднероссийскому. Значительно превышают его только показатели для Магаданской и Сахалинской областей, Чукотского автономного округа.

Ожидаемая продолжительность жизни – один из интегральных показателей социально-экономического развития территории, отражающий совокупное влияние уровня благосостояния населения, качества системы здравоохранения, условий труда и проживания, экологической ситуации, образа жизни и эффективности государственной социальной политики. В отличие от отдельных демографических или медицинских индикаторов, данный показатель позволяет комплексно оценить результаты реализации государственной политики в сфере повышения качества жизни населения и поэтому широко используется в качестве одного из ключевых целевых ориентиров стратегического планирования. В стратегических документах Российской Федерации ожидаемая продолжительность жизни рассматривается как один из базовых индикаторов национальных целей развития, поскольку ее рост свидетельствует не только об улучшении состояния общественного здоровья, но и о повышении эффективности социально-экономической политики в целом. В отношении Дальневосточного федерального округа динамика данного показателя имеет особое значение, поскольку позволяет оценить степень достижения стратегической цели по созданию условий, обеспечивающих уровень и качество жизни, сопоставимые со среднероссийскими, а также определить, насколько реализуемые меры способствуют сокращению межрегиональных различий.

Ожидаемая продолжительность жизни населения в России и Дальневосточном федеральном округе (2010–2023 гг.) представлена на рисунке 3[31].

[30] Приложение к сборнику «Регионы…
[31] Там же.

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT

Таблица 3. Отношение показателей доходов субъектов Дальневосточного федерального округа к среднероссийским показателям, %

Table 3. Income levels in the Far Eastern Federal District vs. Russian average, %

Территория	2005		2010		2015		2020		2023		2024	
	ВРП	ПС	ВРП	ПС	ВРП	ПС	ВРП	ПС	ВРП	ПС	ВРП	ПС
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Дальневосточный федеральный округ	89,9	82,0	109,0	86,1	109,8	84,9	114,8	97,1	116,8	95,5	117,3	94,9
Республика Бурятия	61,5	67,2	52,1	77,1	46,3	83,0	47,4	76,1	47,0	73,8	46,6	70,2
Республика Саха (Якутия)	152,7	98,7	153,0	95,1	173,9	98,0	175,9	102,9	202,5	101,4	197,5	99,9
Забайкальский край	49,1	76,7	57,1	83,2	51,8	82,0	63,3	81,8	67,0	79,7	72,4	79,3
Камчатский край	102,9	79,5	121,2	80,5	127,2	85,2	153,5	106,7	135,5	105,9	126,2	101,1
Приморский край	73,6	68,9	91,1	75,9	83,5	86,2	91,1	93,0	94,5	87,8	92,8	89,1
Хабаровский край	92,5	89,2	99,6	91,6	99,9	91,9	101,7	99,6	90,6	93,2	97,1	92,2
Амурская область	70,5	63,3	81,4	68,8	77,1	85,6	88,4	94,3	96,4	96,9	107,0	96,2
Магаданская область	125,6	100,7	143,2	102,9	192,0	115,2	312,6	144,4	273,9	150,5	308,4	151,3
Сахалинская область	183,3	99,0	370,4	113,2	390,8	127,5	321,0	145,9	314,8	134,4	287,2	134,2
Еврейская автономная область	61,5	69,0	67,6	72,4	60,3	68,2	62,6	70,1	64,7	70,4	61,6	71,3
Чукотский автономный округ	188,7	113,0	291,0	113,4	279,0	136,5	375,8	155,3	351,2	177,2	366,5	184,3

Примечание: ВРП – ВРП на душу населения по отношению к среднероссийскому уровню, ПС –покупательная способность среднедушевых доходов.

Note: ВРП – Gross Regional Product per capita vs. Russian average; ПС – purchasing power of per capita income.

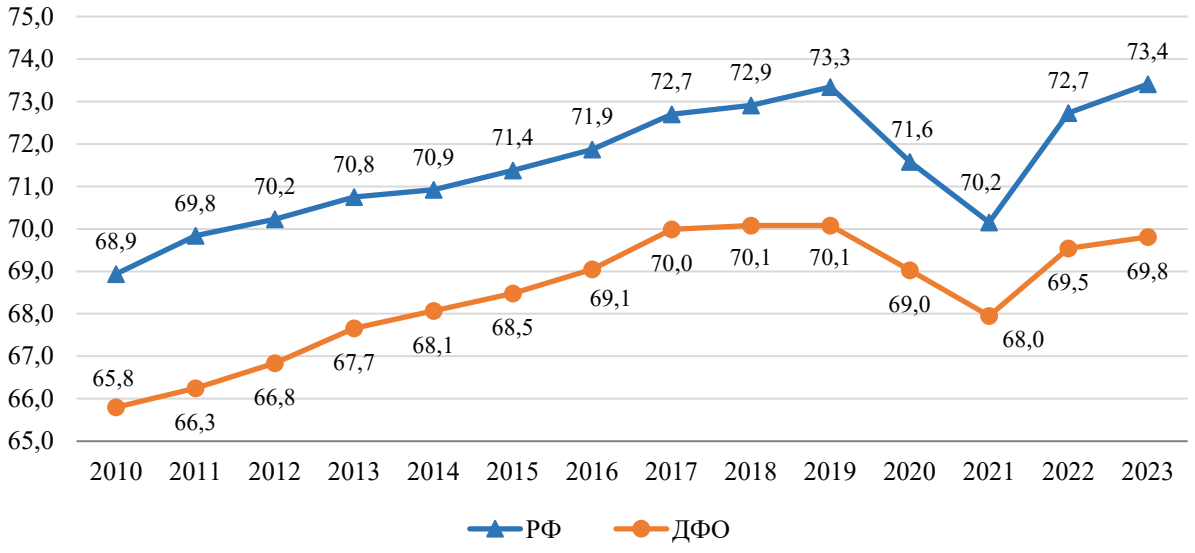

Рис. 3. Ожидаемая продолжительность жизни в Российской Федерации и в Дальневосточном федеральном округе

Fig. 3. Life expectancy in the Far Eastern Federal District vs. Russian average

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT
СТРАТЕГИРОВАНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2026. Том 6. № 4

Между показателем ожидаемой продолжительности жизни в среднем по России и по ДФО сохраняется устойчивый разрыв при общей положительной динамике данного показателя. В 2010 г. разрыв значений показателя составлял 3,1, в 2020 г. – 2,6, в 2024 г. – 3,6, что является максимальным значением за рассматриваемый период. Это свидетельствует о том, что позитивная динамика роста ВРП и других макроэкономических показателей в макрорегионе не сопровождалось сокращением межрегионального неравенства по одному из ключевых индикаторов качества жизни.

Напротив, сохранение и даже увеличение разрыва указывает на ограниченную эффективность реализуемых мер в части обеспечения опережающего социально-демографического развития Дальнего Востока и требует дополнительной оценки соответствия фактических результатов декларируемым стратегическим целям государственной политики и корректировке данных мер.

Особый интерес представляет анализ проекта новой Стратегии социально-экономического развития ДФО до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.[32] Цель стратегии сформулирована как формирование высокотехнологичной диверсифицированной экономики и развитие современной инфраструктуры, создающих условия для устойчивого роста населения и обеспечения ключевой роли ДФО в кооперации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Стратегия структурирована по пяти стратегическим приоритетам:

– преодоление инфраструктурных ограничений (ликвидация энергодефицита, повышение транспортной связанности);
– запуск нового инвестиционно-технологического цикла с упором на глубокий передел сырья;
– развитие науки и технологий (переход к экономике знаний, цифровизация, роботизация);
– создание лучших условий для жизни (качественные рабочие места, современное жилье, комфортная среда);
– климатическая адаптация (устранение рисков от таяния вечной мерзлоты, паводков и пожаров).

В проекте Стратегии есть целевые показатели по двум сценариям: инерционному и целевому. Например, ожидаемая продолжительность жизни к 2030 г. планируется на уровне 74,5 и 78 лет по данным сценариям, а к 2036 г. – 78,1 и 81 год соответственно. Миграционный прирост относительно 2024 г. по инерционному сценарию к 2036 г. составляет 2,7 тыс. человек, а по целевому сценарию – 181 тыс. человек. С учетом предыдущей динамики и складывающейся социально-экономической ситуации в регионе[33], данные показатели не достижимы ни по целевому, ни даже по инерционному сценарию.

Что касается экономических показателей, то они вполне достижимы: увеличение доли ВРП Дальнего Востока в суммарном ВРП Российской Федерации с 6,3 % в 2024 г. до 6,7 % (инерционный сценарий) и до 7,3 % (целевой сценарий) к 2036 г. Инвестиций в год планируется на уровне 6,9 трлн рублей по инерционному сценарию и 9,2 трлн рублей по целевому к 2036 г. Параметры по инвестициям достижимы частично, при условии реализации крупнейших инфраструктурных и инвестиционных проектов и сохранения федеральной поддержки.

Внешние (внеэкономические) детерминистические факторы, закрепленные в ходе многолетних программных инициатив и экспериментальных мер, способствовали формированию неблагоприятных структурных черт региональной экономики Дальнего Востока. Эти структурные и институциональные искажения не только обуславливают текущую макроэкономическую динамику региона, но и создают устойчивые траектории развития, влияющие на его среднесрочные и долгосрочные перспективы. К числу ключевых рисков, ограничивающих потенциал регионального роста, следует отнести стойкий миграционный отток населения, низкий уровень реальных доходов домохозяйств

[32] Стратегия развития Дальнего…
[33] Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2025 г / О. М. Прокапало [и др.] // Пространственная экономика. 2026. Т. 22. № 2. С. 106–151. https://doi.org/10.14530/se.2026.2.106-151

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT

и дефицит качественной транспортной и социальной инфраструктуры[34].

Проект стратегии социально-экономического развития ДФО до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. содержит амбициозные цели, соответствующие статусу макрорегиона как ключевых ворот России в АТР. Однако энергодефицит, кадровый дефицит и недостаточная инвестиционная активность ставят под угрозу реализацию часть стратегических приоритетов. Главным риском данной стратегии является не отсутствие ресурсов, а ограничение человеческого капитала и инвестиционной способности экономики. Если не будут решены вопросы кадров, обеспеченности жильем и качества социальной инфраструктуры, то даже огромные инвестиционные вложения дадут только капиталоемкий, не социально преобразующий эффект.

ВЫВОДЫ

Начиная с 1980-х гг. XX века на территории Дальнего Востока реализовывались государственные программы развития, которые способствовали увеличению масштабов производства в регионе, несмотря на различия в объемах финансирования и степени реализации программных мероприятий. Вместе с тем внеэкономические критерии развития макрорегиона и программные «эксперименты» обусловили формирование специфических структурных черт региональной экономики, оказывающих влияние на перспективы долгосрочного развития.

За последние 15 лет Дальний Восток стал одним из самых поддерживаемых государством макрорегионом. Были приняты многочисленные стратегические документы, нацеленные на ускорение экономического роста, увеличение притока инвестиций, улучшение демографической ситуации и повышение уровня жизни населения. Вопрос о соответствии фактической динамики макроэкономических показателей целям, заявленным в этих стратегиях, остается дискуссионным. Сопоставительный анализ стратегических документов и динамики основных макропоказателей свидетельствует о том, что при высокой степени достижения целевых индикаторов, связанных с экономическим ростом, стратегические приоритеты, ориентированные на демографическую стабилизацию и повышение качества жизни населения, реализуются недостаточно эффективно. Экономический рост не является фактором достаточным для закрепления населения в регионе.

Таким образом, несмотря на определенные успехи Дальневосточного федерального округа в привлечении инвестиций, развитии промышленного производства и реализации крупных инфраструктурных проектов, ключевые стратегические задачи в области демографии, повышения уровня жизни и сокращения межрегиональной дифференциации остаются нерешенными. Это обосновывает необходимость совершенствования механизмов стратегического управления, усиления связи между стратегическими документами и системой оценки их результативности, внедрения системы мониторинга достижения стратегических целей. А также необходим учет базового принципа методологии стратегирования – наличие конкурентных преимуществ и ресурсов для реализации стратегических приоритетов.

ЛИТЕРАТУРА

Власюк Л. И. Прогнозирование экономики макрорегиона: Дальний Восток. Хабаровск: Институт экономических исследований ДВО РАН, 2012. 208 с. https://elibrary.ru/UBESPV

Власюк Л. И., Суспицын С. А., Шеломенцев А. Г. Факторы и механизмы акселерации социально-экономического развития регионов России // Регион: экономика и социология. 2012. № 3. С. 34–57. https://elibrary.ru/PDAZLF

[34] The tourism and trade show industries in the Russian Far East Strategizing for Economic Development / I. Z. Chkhotua [et al.]. NY: Apple Academic Press, 2026. 260 p. https://doi.org/10.1201/9781779645364

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT
СТРАТЕГИРОВАНИЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2026. Том 6. № 4

Власюк Л. И., Чхотуа И. З. Стратегический потенциал дестинации: оценки для Дальнего Востока России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2025. Т. 16. № 4. С. 660–677. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.4.660-677

Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2022. 170 с. https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7

Квинт В. Л. Стратегическое лидерство Амира Тимура: комментарии к Уложению. СПб.: РАНХиГС, 2021. 204 с. https://doi.org/10.22394/978-5-89781-696-5-1-204

Краснопольский Б. Х. Северо-арктические территории Дальнего Востока: влияние инфраструктурных факторов на процессы трансформации пространственного развития региона // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 2. С. 556–573. https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-14

Ломакина Н. В. Особенности промышленной структуры в ресурсном регионе: Дальний Восток России // Пространственная экономика. 2025. Т. 21. № 3. С. 142–164. https://doi.org/10.14530/se.2025.3.142-164

Минакир П. А. Тернистый путь на восток: прорывы, оборачивающиеся тупиками // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 3. С. 7–16. https://doi.org/10.14530/se.2022.3.007-016

Минакир П. А., Прокапало О. М. Экономика Дальнего Востока России: состояние и перспективы. Регионалистика. 2017. Т. 4. № 3. С. 48–56. https://doi.org/10.14530/reg.2017.3

Михеева Н. Н. Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4. С. 58–69. https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-58-69

Стратегирование отрасли туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России: монография / И. З. Чхотуа [и др.]; под науч. ред. С. М. Дарькина, В. Л. Квинта. М: Первое экономическое издательство, 2024. 406 с. https://elibrary.ru/SBQBEN

Хворостяная А. С., Квинт В. Л. Разработка и реализация региональной стратегии: основные этапы и приоритеты // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2025. Т. 28. № 3. С. 25–34. https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2025.89.002

Экономическая и финансовая стратегия / В. Л. Квинт [и др.]; под науч. ред. В. Л. Квинта. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2024. 247 с. https://elibrary.ru/BTVTOK

Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе в 2025 г / О. М. Прокапало [и др.] // Пространственная экономика. 2026. Т. 22. № 2. С. 106–151. https://doi.org/10.14530/se.2026.2.106-151

Darkin S., Kvint V. The Russian Far East: Strategic priorities for sustainable development. Boca Raton: CRC Press, 2016. 166 p. https://elibrary.ru/VHCWKR

Farooq M., Jolly S. Beyond path dependence: A methodological review for studying regional futures. Regional Studies, Regional Science. 2026. Vol. 13. № 1. P. 2686021. https://doi.org/10.1080/21681376.2026.2686021

Kvint V. L. Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. NY: Routledge, 2016. 548 p. https://doi.org/10.4324/9781315709314

Phelps E. The golden rule of accumulation: A fable for growth men // The American Economic Review. 1961. Vol. 51. № 4. P. 638–643.

Porter M. E. The competitive advantage of nations // Harvard Business Review. 1990. Vol. 68. № 2. P. 73–93. https://elibrary.ru/BGZKXT

The tourism and trade show industries in the Russian Far East Strategizing for Economic Development / I. Z. Chkhotua [et al.]. NY: Apple Academic Press, 2026. 260 p. https://doi.org/10.1201/9781779645364

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT

Wolfe D. A. Transformative innovation policy and collaborative governance in regions and cities // Regional Studies. 2026. Vol. 60. № 1. P. 2688966. https://doi.org/10.1080/00343404.2026.2688966

REFERENCES

Chkhotua IZ, Sadovnichaya AV, Vlasyuk LI, Khvorostyanaya AS. Strategizing the tourism and trade show industries in the Russian Far East. Ed. Darkin SM, Kvint VL. Moscow: PRIMEC publisher; 2024. 406 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/SBQBEN

Chkhotua IZ, Sadovnichaya AV, Vlasyuk LI, Khvorostyanaya AS. The tourism and trade show industries in the Russian Far East Strategizing for Economic Development. NY: Apple Academic Press; 2026. 260 p. https://doi.org/10.1201/9781779645364

Darkin S, Kvint V. The Russian Far East: Strategic priorities for sustainable development. Boca Raton: CRC Press; 2016. 166 p. https://elibrary.ru/VHCWKR

Farooq M, Jolly S. Beyond path dependence: A methodological review for studying regional futures. Regional Studies, Regional Science. 2026;13(1):2686021. https://doi.org/10.1080/21681376.2026.2686021

Khvorostyanaya AS, Kvint VL. Regional strategy development and implementation: Key stages and priorities. The North and the Market: Forming the Economic Order. 2025;28(3):25–34. (In Russ.) https://doi.org/10.37614/2220-802X.3.2025.89.002

Krasnopolski BH. The North-Arctic territories of the Far East: Influence of infrastructure factors on the transformation of the region's spatial development. Economy of regions. 2024;20(2):556–573. (In Russ.) https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2024-2-14

Kvint VL, Novikova IV, Alimuradov MK, Arshinova AI, Albin IN, et al. Economic and financial strategy. Ed. VL Kvint. Moscow: Publishing House of the Moscow University; 2024. 247 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/BTVTOK

Kvint VL. Strategic Leadership of Amir Timur: Comments on the Code. St. Petersburg: RANEPA; 2021. 204 p. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/978-5-89781-696-5-1-204

Kvint VL. Strategy for the Global Market: Theory and practical applications. NY: Routledge; 2016. 548 p. https://doi.org/10.4324/9781315709314

Kvint VL. The Concept of Strategizing. Kemerovo: Kemerovo State University; 2022. 170 p. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/978-5-8353-2562-7

Lomakina NV. Features of the industrial structure in a resource-rich region: The Far East of Russia. Spatial Economics. 2025;21(3):142–164. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2025.3.142-164

Mikheeva NN. The Far East as a model of a geostrategic region in the strategy of spatial development. Problemy Prognozirovaniya. 2025;36(4):474–483. (In Russ.) https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-58-69

Minakir PA, Prokapalo OM. Economy of the Far East of Russia: State and prospects. Regionalistics. 2017; 4(3):48–56. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/reg.2017.3

Minakir PA. The thorny path eastwards: Breakthroughs which turn into Dead-End. Spatial Economics. 2022;18(3):7–16. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2022.3.007-016

Phelps E. The golden rule of accumulation: A fable for growth men. The American Economic Review. 1961; 51(4):638–643.

Porter ME. The competitive advantage of nations. Harvard Business Review. 1990;68(2):73–93. https://elibrary.ru/BGZKXT

Prokapalo OM, Bardal AB, Isaev AG, Mazitova MG. Economic situation in the Far Eastern Federal District in 2025. Spatial Economics. 2026;22(2):106–151. (In Russ.) https://doi.org/10.14530/se.2026.2.106-151

https://doi.org/10.21603/2782-2435-2026-6-4-431-445
https://elibrary.ru/UINWJT
СТРАТЕГИРОВАНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
2026. Том 6. № 4

Vlasyuk LI, Chkhotua IZ. Strategic potential of a destination: Assessments for the Russian Far East. MIR (Modernization. Innovation. Research). 2025;16(4):660–677. (In Russ.) https://doi.org/10.18184/2079-4665.2025.16.4.660-677

Vlasyuk LI, Syspitsin SA, Shelomentsev AG. Accelerated socio-economic development in the Russian regions: Factors and mechanisms. Region: Ekonomika i sotsiologiya. 2012;(3):34–57. (In Russ.) https://elibrary.ru/PDAZLF

Vlasyuk LI. Forecasting of the macroregion economy: The Far East. Khabarovsk: Economic Research Institute of Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences; 2012. 208 p. (In Russ.) https://elibrary.ru/UBESPV

Wolfe DA. Transformative innovation policy and collaborative governance in regions and cities. Regional Studies. 2026;60(1):2688966. https://doi.org/10.1080/00343404.2026.2688966

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Власюк Людмила Ивановна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; lvlasyuk@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8058-586X

CONFLICT OF INTEREST: The author declared no conflict of interest regarding the publication of this article.
ABOUT AUTHOR: Lyudmila I. Vlasyuk; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; lvlasyuk@mail.ru; https://orcid.org/0000-0001-8058-586X